

УДК: 364.25

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРИЗНАКИ АРХАИЗАЦИИ

Е.А. Окладникова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Эл. почта: okladnikova-ea@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.11.2017; принята к печати 10.12.2018

Эволюция социокультурного ландшафта Ленинградской области рассмотрена с позиций социально-антропологического подхода на основании интервьюирования более 200 жителей поселков городского типа. Выявлены элементы архаизации, которые проявились: 1) в негативном отношении к урбанизированной окружающей среде; 2) в возрождении традиционных русских крестьянских этноидентификационных практик, выражающих латентный протест населения против урбанизации и глобализации, меняющих облик этого типа ландшафта.

Ключевые слова: социокультурный ландшафт, Ленинградская область, архаические элементы культуры, этноидентификация, глобализация.

EVOLUTIONARY PECULIARITIES OF THE SOCIOCULTURAL LANDSCAPE OF LENINGRADSKAYA OBLAST: ARCHAIC MANIFESTATIONS

Ye.A. Okladnikova

A.I. Gertzian Russian State Pedagogical University

E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

The evolution of the sociocultural landscape of Leningradskaya Oblast (Russia) is treated from the anthropological standpoint based on field interviewing of more than 200 residents of urban settlements. Archaic elements are manifested as 1) a negative attitude to urbanized environments and 2) the revival of traditional rural ethno-identifying practices expressive of a latent protest against urbanization and globalization, which distort the habitual landscape.

Keywords: sociocultural landscape, Leningradspaya Oblast, archaic cultural elements, ethno-identification, globalization.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «ландшафт» изначально сформировалось в немецкой богословской традиции в первой половине IX в. как категория описания людей, природы и Бога. Слова ландшафт – *lant/land* и *scaf/schaft* – были высоко полисемичны. Как писал автор монографии о философии науки географии Ю.Г. Тютюнник со ссылкой на работы В.М. Жирмунского [10] и С.Л. Дорского [9]: «Частица *scaf* была не только суффиксом, который в те времена, помимо выше указанных значений, передавал и такие оттенки смысла, как “деятельность”, “состояние”, “положение”, “отношение людей”. Эта частичка в древневерхненемецком языке была также и отглагольным

(от д.-в.-н. глагола *sceppan* – “делать”, “творить”, “образовывать”) существительным и имела такие значения: “форма”, “вид”, “порядок”, “план”, “состояние”» [15]. Смыслы введенного монахами Фульдского монастыря понятия ландшафт со временем расширились. Оно стало включать не только идею управляемости (объединяла под властью государства и церкви конкретные народы, воспринимаемые как паства, то есть ведомое пастырем стадо овец), но и обрело новые символические смыслы. Долгое время географический ландшафт осмыслялся и изучался с объективных естественнонаучных и сугубо описательных географических позиций, накладывался на карты (эпоха географических от-

крытий), заполнялся новыми видами растений (А. Гумбольдт), населялся ранее не известными европейской науке народами (исследования в области физической географии и географии), изучался с позиций почвоведения (В.В. Докучаев).

Научный подход к описанию и изучению ландшафта как культурному и социальному феномену возник в пространстве междисциплинарных исследований только в XX в. Системный (кибернетический) и экологический подходы открыли возможности по-новому осмыслить географический ландшафт с субъективистских позиций, то есть с позиций герменевтики (как пространство смыслов), политики (идеологический аспект), психологии (эмоциональное переживание земной поверхности людьми) и социологии (демографический, социальный, культурный аспекты). Географические ландшафты стали описывать в понятиях гео-, атропо-, социо-, экосистем, а также био-, социо-, антропоценозов. Классическое почвоведение и ландшафтоведение В.В. Докучаева, разделившего понятия «почва» и «ландшафт», географический подход Л.С. Берга, сделавшего понятие ландшафт основной категорией географии, обогатились новыми исследовательскими методами и объяснительными теориями, такими как сакральная география, гуманитарная география, мифогеография (И.И. Митин), философия географии (Ю.Г. Тютюнник [16, с. 203–215]). Междисциплинарные тенденции изучения географических ландшафтов расширили круг научных интерпретаций. Постепенно объективное, естественнонаучное, то есть географическое восприятие ландшафта научным сообществом идеализировалось, наполнялось антропологическими, этнографическими (Н.Н. Чебоксаров, С.А. Арутюнов, В.П. Алексеев), историко-культурными (Д.Н. Замятнин), политическими (В.Л. Каганский), информационно-аксиологическими (В.А. Введенский), психологическими и, даже, социальными смыслами.

Социально-антропологическое восприятие географического ландшафта, сложившееся в гуманитарной науке в 1990-е гг., впитавшее взгляды антропологии, социальной психологии и культурологии, позволило сосредоточить исследовательский фокус на расширенном изучении отношения «человек–природа». В результате уточнения предмета исследований внимание ученых привлекли вопросы социально-экологических (О.Н. Яницкий), социально-энвайроментальных (Д. Андерхилл) и архаико-примитивистских характеристик географических ландшафтов. К концу 2000-х гг. исследова-

тельский фокус социологов коснулся проблематизации отношений «старого и нового». Эти отношения реализуются последние 20 лет в условиях российского общества в форме социальной архаизации культурных институтов, а именно – усиления тенденций традиционализма и возникновения такого социального феномена, как неотрадиционализм.

Как показали наши пилотные социально-антропологические наблюдения 2014–2017 гг., в семи населенных пунктах Ленинградской области (пос. Сельцо, д. Монастырьки, д. Котлы, д. Добряницы, пос. Оржицы, пос. Лаголово, д. Гостилицы) признаки архаизации просматриваются в разных сферах социокультурного ландшафта. Наши наблюдения были осуществлены традиционными социально-антропологическими методиками, базовой среди которых было нарративное интервью. Эта методика качественного социологического исследования предполагает работу с респондентом по заранее созданному исследователем плану (списку вопросов, разделенному на смысловые блоки) в течение 2–2,5 часа. В ходе интервью респондент создает дискурс. Анализ этого дискурса, представленный в текстовой форме (то есть в форме транскриптов интервью), предоставляет исследователю возможность изучать:

1) ментальные карты местности, составленные респондентами (то есть представления респондента о структурных и системных характеристиках описываемого социального и культурного ландшафта). Ментальные карты реализуют себя в момент полевого исследования в форме дискурсов, раскрывающих смыслы, рационализирующие отношения человек–природа, а также передающие в образной форме представления респондентов о географических локусах, межпоколенных социальных связях и т. д.;

2) документальный (текст интервью) материал для научного осмысления особенностей изучаемого объекта – социокультурного ландшафта конкретной географической территории, то есть географического ландшафта, в котором реализуются взаимоотношения современного человека и природы. В нашем исследовании за 3 года приняли участие 234 респондента (75% – женщины в возрасте от 16 до 60 лет и старше, 25% – мужчины в том же возрастном диапазоне). Несмотря на все наши усилия, сделать выборку репрезентативной в социологическом смысле этого слова нам не слишком удалось. Причиной тому стали обстоятельства исследований, а именно – работа под эгидой местных органов

самоуправления, не всегда понимавших нужность наших исследований. Поэтому мы были вынуждены организовать работу по методикам «доступных случаев» и «снежного кома».

Анализ отношений «человек–природа» в контексте изучения особенностей социокультурных ландшафтов Ленинградской области позволил нам выявить в качестве базовой тенденции их эволюции углубляющуюся архаизацию. Это не удивительно. После обвала тоталитарной системы социального и хозяйственного равновесия советского общества возникло не гражданское общество. Наступила эпоха атомизации социальной жизни, ее «варваризации». Сегодня в условиях постоянного спада экономики, продолжения процесса изымания ресурсов (например, рабочей силы) из поселков городского типа и деревень Ленинградской области, агрессивной политики СМИ и ТВ, внедряющих всеми возможными путями глобализационную (американскую) версию идеологии насилия, воспитание школой «квалифицированного потребителя», а не думающего творца, откат социальных институтов (суть ценностно-регулятивной общественной системы) в архаику закономерен.

Так, исходя из наших наблюдений, основанных на социально-антропологических идеях, мы полагаем, что процессы архаизации социальных и культурных ландшафтов имеют территориальное измерение. В системах сельских ландшафтов эти процессы идут активнее и быстрее, в городе они заметны меньше, да и переживаются городским населением легче.

Элементы архаизации просматриваются в отношении населения к окружающей среде (экологическое поведение), в находящих поддержку населения социально-коммуникативных технологиях управления на уровне муниципальных властей (фестивали, праздники, досуговая деятельность, кружки, клубы по интересам и т. п.), в педагогических практиках дополнительного образования (женские клубы по изготовлению обрядовых кукол).

Отношения «человек–природа» с позиций теории социальной архаизации

Анализ полевых наблюдений, где всплыли элементы архаизации социокультурных институтов, был проведен нами с опорой на разработки культурологов, историков, социальных антропологов, специалистов в области экономической социологии, политологов, философов.

С позиций исторического подхода одним из первых процессы архаизации в жизни русского

общества XIX в. описал философ Н.А. Бердяев как противостояние западников и славянофилов.

С позиций философского подхода аспекты социальной архаизации в 1970-х гг. разрабатывали А.С. Ахиезер [2] и В.А. Ачкасов [5, с. 173–191]. Затем философ В.Г. Федотова обратила внимание на социальные тенденции развития российского общества в контекстах модернизации и глобализации, одним из которых, притом наиболее ярким, стала архаизация социальных институтов [17, с. 26–36]. Далее идеи философов были развиты специалистами в области экономической социологии – А.Г. Вишневым [8] (труды о консервативной модернизации в СССР), А.Н. Вольским, О.В. Нечипоренко [13, с. 55–57].

Культурологический подход в области изучения эволюции процессов социальной архаизации представлен в трудах В.М. Хачатурян, Е.Б. Рашковского [14, с. 33–39], а этнокультурный – в работах этнолога Ч.К. Ламажа [12, с. 44–48] и социолога У.А. Винокуровой, которые заостряли внимание на смысловых различиях понятий архаизм, традиционализм, примитивизация, варваризация общества и культуры, указывая на то, что традиционализм много шире, чем архаизация. Если в советское время понятие «архаизация» использовалось в основном в искусствоведении и филологии, то после 1990-х гг. терминологический тезаурус исследований в области традиционализма и архаизации социальных процессов расширился и обогатился, изменилась и понятийная база. Так, если в советское время термином «архаизация» обозначался процесс заимствования древних образцов новыми художественными направлениями, то сегодня политологи, описывая политические практики современной России, рассматривают социально-политические процессы в обществе как форму проявления **«взрывной архаичности»** [4]. Социальные антропологи, изучая практики насилия (в том числе в аспекте доминирования/подчинения по отношению к аграрному по менталитету населению России и власти), стали использовать введенный антропологом К.Л. Банниковым термин **«архаический синдром»** [6; 7, с. 58–69]. С помощью термина «архаический синдром» оказалось возможно описывать ситуации вневременных социокультурных пережитков [11], возникающих в разных сферах жизни общества в переходные или кризисные периоды истории, когда в обществе наблюдается снижение эффективности работы государственных институтов, а люди начинают искать опору в иррациональном [1].

Понятие «архаизация» как проявление «архаического синдрома» в социокультурных процессах представляется нам наиболее удобным объяснительным исследовательским инструментом. Именно социально антропологический смысл этого понятия как нельзя лучше подходит для объективного изучения и объяснения многих явлений, которые мы наблюдали в ходе наших исследований.

В артефактной ипостаси, то есть в форме социальных процессов и явлений, архаизация являла нам себя при наблюдении социокультурных ландшафтов Ленинградской области с удивительной регулярностью. «Архаический синдром» как реализацию «пережитков» аграрной крестьянской ментальности в этом ландшафте можно наблюдать везде: от архаизации сознания респондентов и включения традиционалистских культурных программ (формирование околицерковных православных общин в поселках, массовые народные гуляния на календарные аграрные праздники, русские народные фольклорные фестивали, возрождение традиционных функций обрядового искусства) до регрессивных особенностей социальных отношений (отрицание ответственности собственниками за приватизированное жилье, ремонт которого, как они считают, должен осуществляться не ими лично, а государством, негативное отношение к экологии, неухоженность общественных пространств, организация жизни по принципу «моя хата с краю») и т. п.

В советскую эпоху деревни Ленинградской области превращались в поселки городского типа. В этих поселках возводились однотипные пятиэтажки рядом с градообразующими предприятиями (свинофермами, цементными комбинатами, птицефабриками и т. п.). В послевоенные годы немногочисленное население этих деревень резко возрастало за счет приехавших из областей Центральной и Северной России представителей колхозного крестьянства. В Ленинграде их называли «лимитчиками», а мы бы сейчас их назвали трудовыми мигрантами. Советский социолог А.Д. Хлопин писал о длительности и стадиальности процесса интернализации мигрантами из русского села в советское время (то есть в эпоху превращения сравнительно близко расположенных к Санкт-Петербургу сел в поселки городского типа) элементов городской культуры. На заключительной стадии этого процесса, как полагал ученый, происходила полная ресоциализация личности. При этом мигранты такого типа оказывались способными существовать сразу в двух средах: старой (зна-

комой крестьянской) и новой (городской) [18]. Число жителей в таких поселках в период сооружения так называемых градообразующих предприятий и возведения пятиэтажек увеличивалось в разы. Многие поселения, которые еще в довоенное время (1930-е—начало 1940-х гг.) были финскими (основное население – ижора, вепсы), после войны стали русскими. Так, например, в поселке Лаголово, расположенном по Таллинскому шоссе на расстоянии 1,5 км от Красносельского района Санкт-Петербурга, до Великой Отечественной войны была средняя школа, где преподавание велось на финском языке, и большинство населения было финским.

Для крестьянского населения, приехавшего из центральных и северных районов России, весьма распространенной практикой был перенос элементов натурального хозяйства в города и поселки городского типа Ленинградской области. В каждом из обследованных нами поселений жители пятиэтажек обязательно возделывают огороды, расположенные где-то рядом с домом. Иногда такие огороды располагаются прямо под окнами пятиэтажек (в Лаголово), не говоря уже о домах частного сектора. Даже сейчас, когда сети крупных магазинов («Магнит», «Дикси», «Пятерочка» и др.) имеют в этих поселках не один, а несколько филиалов, в огородах продолжают сажать овощи и цветы. Сегодня «смычка города с деревней», провалившаяся еще в советское время, явила себя в феномене «псевдоурбанизации», о которой писал в 1970-е гг. А.С. Ахиезер [3].

Архаическая аграрная ориентация определяла тип ментальности наших респондентов. Как они нам рассказывали, в трудные 1990-е гг. огороды были большим экономическим подспорьем, от выращенного на них реально зависело выживание семьи. Нынче сети больших магазинов конкурируют между собой за покупателя, но, несмотря на обилие товаров, хозяйки продолжают возделывать огороды, выращивая зелень и цветы. Общение с землей, работа на ней – неотъемлемая часть аграрного менталитета жителей этих поселений. Само представление о земле, то есть конкретной территории поселения, описывалось в интервью жителями в терминах, раскрывающих власть менталитета сельской общины в их сознании.

«Тут у нас есть парк. С детства мы с мамой там гуляли, сами там березки высаживали. Они сейчас большие выросли. В 1990-е гг. это место стало рассматриваться жителями как ничейное. Туда постоянно мусор свалива-

ли. Я каждую весну и осень сама из этого парка мешками мусор выволакивала. Надоело мне это. Вот и решила сделать все, чтобы это место было чистым и красивым, каким в детстве его помню. Мы всем миром собрались и вытребовали эту землю, сначала под парк, а потом и для строительства часовни. Я и члены церковной общины нашей постоянно гоняем оттуда разных пьяниц, что мусорят. Надоели. Теперь их там меньше стало. Место стало чище, красивее»¹.

Избранный нами социально-антропологический подход к анализу эмпирического материала позволил определить выявленные архаические элементы как принадлежащие к миру традиционной крестьянской русской аграрной ментальности. Этот тип ментальности оказывает на протяжении длительного времени (с начала 1950-х гг. по наше время) постоянное сопротивление цивилизационному влиянию в форме урбанизации и глобализации.

Экологическое поведение людей и его влияние на внешний вид социокультурного ландшафта Ленинградской области

С аксиологической точки зрения, экологическая обстановка в поселениях городского типа Ленинградской области с момента распада СССР стала лучше. Большинство респондентов (83%), которые приняли участие в наших работах, признавалось, что экологическая обстановка стала лучше, так как индустриальное вторжение города прекратилось с развалом СССР.

Экологическое поведение проявляется в отношении жителей к особенностям природного (лес, луга, холмы, реки, озера, ручьи) и рукотворного (хозяйственного, исторического, социального) ландшафта. Нам удалось выявить и описать несколько форм такого поведения, выразившихся в: 1) эстетических переживаниях (отношении к физическому ландшафту); 2) этических практиках взаимодействия человека с окружающей средой; 3) аксиологических умозаключениях (оценке состояния экологической обстановки); 4) социально-коммуникативных технологиях власти и управляемого ею населения (организация досуговой деятельности жителей поселений, формирование символической картины праздничной жизни поселения); 5) педагогических практиках дополнительного образования (кукла).

¹ Р-т, 47 лет, Лаголово, 2017 (Архив автора. СПб., 2017).

Эстетические переживания пейзажей жителей поселков городского типа Ленинградской области

Даже общий вид местности, например, визуально-образная карта географического ландшафта указывает на архаизацию ойкумены поселков городского типа Ленинградской области, в частности, тех поселений, где мы работали: Оржицы, Лаголово, Гостилицы, Русско-Высоцкое, Кипень, Сельцо. Эти поселки городского типа на месте старых либо финских (Лаголово), либо русских (Гостилицы) деревень возникли в советское время вокруг градообразующих предприятий: птицефабрик, цементных комбинатов, свиноферм. Сейчас эти производственные комплексы находятся в полном запустении или переоборудованы под коммерческие структуры (Лаголово). Здания промышленных объектов советской эпохи – это овеянные в кирпиче и металле системы социальных отношений того времени, а именно, экстенсивных индустриальных стратегий. Экономически эти производства были малоэффективны, но весьма ресурсоемки. Как нам рассказывали наши респонденты в Оржицах:

«Какой урон нам, населению, приносил наш свиноводческий комплекс! Каждую весну, когда на поля вывозили свиной навоз, у нас в Оржицах начиналась эпидемия гепатита. Навоз-то бросали везде, рядом с источниками, ключами, ручьями, а их здесь немерено. Ведь именно из Оржиц и Гостилиц брали начало реки, которые давали воду для Петергофских фонтанов. И эту воду мы тоже пили. Кончился свинокомплекс, кончились эпидемии. А воздух? Вонь-то какая стояла в поселке по весне и осени! А сейчас – любо-дорого!»²

Сегодня фабрики и животноводческие комплексы в поселках Ленинградской области смотрятся развалинами некогда великой Советской империи. Кое-где, как, например, в Гостилицах, обломки хозяйственных достижений СССР соседствуют с остатками старинных усадебных парков и фундаментами барских старинных усадеб. Здания заброшенных барачных свинофермы в Оржицах никто не разбирает. Сегодня они являют собой трагические архаические элементы старых советских ландшафтов, пугая своей заброшенностью и запустением.

Как мы выяснили в процессе бесед с респондентами, власть сельского мира – архаическо-

² Р-т, Ж., 45 лет (Оржицы). (Архив автора. СПб., 2017).

го, крестьянского, аграрного – над личностью в социальных сообществах поселков городского типа (Лаголово, Гостилицы, Оржицы, Сельцо и др.) глубоко укоренена в менталитете жителей. Из истории страны мы знаем, что этот вид народного менталитета прошел длительный исторический путь формирования от славянской крестьянской общины, традиционной русской деревенской общины (мира) и практически не среагировал на Столыпинскую реформу (за исключением появления кулацких хозяйств). Затем в России он оказался укрепленным практикой колхозного строительства. Поэтому в почти нетронутым виде во второй половине XX в. аграрный архаический менталитет должен был переключиться вместе с его носителями из русской глубинки, то есть из центральных районов России, из Архангельской и Вологодской областей, в поселения городского типа Ленинградской области.

Следуя традициям исследований в области гуманитарной и культурной географии, мы просили респондентов описать ментальную карту местности. Как правило, описывая эту карту, они разделяли территорию на зоны: 1) жилую; 2) рекреационную – дом культуры, яблоневый сад, стадион (Лаголово), огородную – приусадебные участки (Оржицы, Лаголово); 3) торговую (магазины); 4) бывшую производственную – например, птицефабрика и ЗАО, ныне расположенные на ее территории. Анализ содержания транскриптов интервью позволил нам определить наличие архаических элементов в каждой из этих зон. Например, в жилой зоне респонденты указывали на противостояние «старого и нового», а именно: противостояние пятиэтажек застройкам частного сектора. Это противостояние переживается жителями поселков городского типа в остро негативной форме. Они переживали это как результат глобализации, то есть наступления города на деревню. Их беспокоила распродажа окрестных земель под коттеджи состоятельных горожан, усиление транспортной нагрузки на десятилетиями не ремонтируемые дороги, формирование обжитых пространств без рабочих мест и вовлеченности жителей этих поселков в городской труд, запустение окрестных пахотных земель и др.

«Да теперь вокруг столько коттеджей построили! Понаехали тут городские богатеи, наши деревеньки изуродовали. Раньше идешь по деревне, такие уютные домики с наличниками резными стояли, аккуратные, с палисадни-

ками ухоженными. Было на что посмотреть. А сейчас эти бетонные громады за железными заборами понастроили. Смотреть страшно...»³

«Смотришь из окна нашего панельного дома, а там – прямо сараи покосившие во дворах частного сектора. Противно. Неужели не могут они территорию свою очистить, обустроить, эти частники?»⁴

Нетрудно заметить, что это противостояние переживается респондентами с позиций отрицания крестьянским менталитетом вторжения городской цивилизации в по-другому упорядоченную жизнь деревенского сообщества. Речь идет о последствиях краха социалистического проекта. Эти последствия создали условия воскрешения архаических элементов в ментальности наших респондентов. Что же разрушает крестьянскую по своей сути, аграрную ментальность современного жителя поселков городского типа Ленинградской области, недавних выходцев из русской глубинки? Мы полагаем, что это – крестьянская этика противостояния угрозам цивилизации.

Этические практики взаимоотношений жителей поселений городского типа Ленинградской области с окружающей средой

Мы выяснили, что наши респонденты вмещающий ландшафт рассматривают как поле сражения между своим (деревня, сельская община, архаический быт) и чужим (город, антропоцентризм, цивилизация как сумма технологий).

О какой сельской общине и ее коллективистских ментальных установках идет речь? Да о той самой крестьянской общине, которая в традиционной русской культуре была известна как мир. Так, на наш вопрос, каким образом они пережили Перестройку, респонденты рассказывали, как в ситуации острого социально-экономического кризиса активизировались установки именно этого архаического крестьянского типа общественного сознания.

«В перестройку мы с мужем потеряли работу. Я только-только родила сына. И вот, кушать нам стало нечего. Варил манную кашу на воде. И все. Слава Богу, свекровь с Юга приехала. У них на хуторе было частное хозяйство: свиньи, курицы, корова... Привозила мясо, крупы. Ну вот, я варила суп. Большую кастрюлю. Ели суп три дня всем подъездом. Потом соседка

³ Р-т, Ж., 66 лет (Оржицы). (Архив автора. СПб., 2017).

⁴ Р-т, Ж., 57 лет (Оржицы). (Архив автора. СПб., 2017).

сверху такую же кастрюлю варила, когда родня с Украины приезжала. Кормила всех, потом – соседка снизу. Так вот и менялись по неделям. Очень трудно мы Перестройку пережили»⁵.

«В Перестройку мы трудно жили. Вот, например, наш подъезд. Мы все молодые там жили. Все бросили работу, ведь наши предприятия закрылись, мужья наши, тогда – парни молодые, стали предпринимателями: кто книгами приторговывал в Питере (его убили), кто челноком стал работать (тоже убили). Кто-то не выдержал и от рака умер (два парня молодых и жена нашего соседа). В общей сложности 7 молодых людей погибли. Но мы жили как одна семья, друг другу чем могли старались помогать»⁶.

Нетрудно заметить, что спонтанное возрождение архаических общинных установок сознания выразилось в возрождении крестьянского обычая взаимопомощи, спасло жителям поселков городского типа Ленинградской области жизнь.

Разрушение всего враждебного («городского», наступающего на деревенское) путем хаотизации теми, кто приехал работать на градообразующие предприятия из русской глубинки в 1950–1960-е гг., передалось их детям – современному молодому населению. Хаотизирующая этика взаимоотношений «человек – окружающая среда» сегодня осуществляется деревенскими детьми на знаковом (символическом) и поведенческих уровнях. Например, в быту это выражается в нежелании сельской молодежи донести до урны фантик от конфеты, бутылку из-под пива, стремлении бросить их себе под ноги прямо на дорожке; в свалках мусора по обочинам асфальтированных дорог; в обыденной практике оставить после себя оплеванную семечками площадку остановки общественного транспорта. Таким образом, маркируя чужое пространство следами своего пребывания, архаический субъект осваивает новое пространство, лишая его «опасных», «магических», «вредоносных» свойств. Цивилизация постоянно выбрасывает в мир архаических обществ свою предметность. А архаический мир, включая и сельский мир Ленинградской области, активно варваризирует эту предметность (от текстов интернет-блогов до уличного освещения, уличных плевательниц, оборудованных остановок транспорта и т. п.). Таков описанный еще классиками этнологии социально-психологический механизм противостояния чуждой предметной среде варварством.

В периоды социальных и экономических кризисов работа этого механизма вскрывает еще одну грань соотношения двух культурных миров (архаического, крестьянского, русского традиционного – с одной стороны, и современного индустриального, городского – с другой), а именно: конфликт между крестьянской социоцентрической и либеральной антропоцентрической ментальными парадигмами. Тот, кто обустроивает свой мир как самостоятельную сущность, посягает в итоге на базовые ценности традиционалиста, ориентированного не на достижения личности, а на жертвенное существование в пользу социоцентрической парадигмы, то есть крестьянской общины. Любой, кто работает на пользу антропоцентрической социальности, враждебен традиционной ментальности. Для традиционалиста такая антропоцентрически ориентированная деятельность греховна. Архаический человек может простить алкаша, наркомана или нищего, но не преуспевающего соседа. Не любили на Руси кулака (крепкого хозяина), не любят сегодня традиционалисты и человека-хозяина своей судьбы. Антропоцентрически ориентированное отношение человека к окружающей среде предполагает понимание степени ответственности людьми за результаты своей деятельности. Например, противостояние «старого» и «нового» в социальности и взаимодействии людей с окружающей природной средой переживается жителями поселений городского типа Ленинградской области на уровне ответственности собственника. Например, наши респонденты с большим трудом осваивают роль собственника приватизированного жилья, со всеми правами и обязанностями, из этой роли вытекающими.

«Это моя квартира. Да. Я – хозяйка. Но ремонт, обслуживание квартиры – это государство и наша местная администрация делать должны»⁷.

«Да, ходят у нас люди на субботники. Но это все одни и те же лица. Их мало. Мы их по имени всех знаем»⁸.

«Трудный у нас народ в Лаголово. Вот День деревни, праздничный концерт. Посмотрите, в начале мероприятия – полный зал. Все пришли. По мере того, как выступил один творческий коллектив, другой... люди, не дожидаясь конца действия, встают и выходят. Это же такое неуважение ко всем нам! А почему уходят? Да

⁵ Р-т, Ж., 45 лет (Лаголово). (Архив автора. СПб., 2017).

⁶ Р-т, Ж., 66 лет (Лаголово). (Архив автора. СПб., 2017).

⁷ Р-т, Ж., 67 лет (Лаголово). (Архив автора. СПб., 2017).

⁸ Р-т, Ж., 46 лет (Лаголово). (Архив автора. СПб., 2017).

потому, что их детишки песню спели, свой танец исполнили... а зачем сидеть и смотреть на других? Себя показали, и домой...»⁹.

Хаотизация тронутого урбанизацией и цивилизацией пространства как модель архаического экологического поведения передается из поколения в поколение в поселках городского типа. Так, в пространстве пятиэтажной советской застройки Лаголово, Гостилиц, Оржиц, то есть на территории, которая в архитектурном и функциональном смыслах разрушала архаический деревенский ландшафт, а соответственно и быт, постоянно осуществлялся бунт против «цивилизации» с ее антропоцентрической установкой сознания.

«Вот, живем мы все по одной лестнице. У соседнего подъезда клумба ухоженная. Там два пенсионера, супруги, каждый год цветочки высаживают. А у наших подъездов – только сорная трава и окурки»¹⁰.

«Вышли люди из подъезда, мешок с мусором прямо на дорожке бросили и дальше пошли. Кто убирать-то будет? Да, есть в Лаголово дворники. Хорошие люди. Мы их на всех праздниках наших в Доме культуры награждаем, как можем. Но ведь сами-то жители этих пятиэтажек могли донести мусор до помойки. Так ведь нет»¹¹.

«Я сама свидетелем была. Вышла из школы мама с девочкой. Девочка почистила на ходу мандарин, шкурки хотела положить в рюкзак. Так мама ей говорит: "...Что ты делаешь? Выброси корки!" Девочка удивилась: "Нас в школе учат, что мусорить – это нехорошо". Но мама не унимается: "Что ты такое говоришь? Ты, что, эти очистки до дома потащишь? Брось!"»¹².

Другое дело – обустроенная частниками территория поселения, приближенная к деревенскому ландшафту, воспринимается совсем по-другому.

«У нас тут в частном секторе живет старушка. Она – местный старожил, финка, узница немецкого лагеря. Каждый день она проходит с утра по своей улице с мусорным мешком. Собирает весь мусор. Молча. Никакой рекламы. Никаких упреков»¹³.

⁹ Р-т, Ж., 45 лет (Лаголово). (Архив автора. СПб., 2017).

¹⁰ Р-т, Ж., 45 лет (Лаголово). (Рогачёва)

¹¹ Р-т, Ж., 92 года (Лаголово). (Архив автора. СПб., 2017).

¹² Р-т, Ж., 45 лет (Оржицы). (Архив автора. СПб., 2017).

¹³ Р-т, Ж., 46 лет (Лаголово). (Архив автора. СПб., 2017).

На том же символическом уровне хаотизация отношений «человек – окружающая урбанизированная среда» осуществляется респондентами в этике ритуального обмена негативными новостями. Обмен негативными новостями – это демонстрация приверженности к аскетизирующей православной (монашеской) традиции русской культуры. Эта приверженность выражается в демонстрации того, что человек – мироотречник. Он правильно понимает гностическую суть бытия православного крестьянского человека. Обмен негативом демонстрирует мировоззренческую правильность его повседневного коммуникативного дискурса. Главное – установить правильный эмоциональный климат общения, подтвердить верность понимания быстротечности и никчемности бытия, свою неукорененность в бытии, православно-христианскую установку на свет загробного бытия. При этом нужно понимать, что эта этика пришла в IX–XIII вв. на смену языческим идеям, скорее прославлявшим бытие, чем его отрицавшим. В интервью с респондентами – выходцами из русской глубинки (Тулльская, Костромская, Смоленская, Тверская, Вологодская области) этот тип дискурса обязательно присутствовал. Так, наши женщины-респонденты обязательно начинали перечислять хозяйственно-бытовые проблемы (плохие дороги, неразвитая транспортная инфраструктура и страшный перекресток Лаголово/Таллинское шоссе), упоминать знаменитую Лаголовскую лужу при въезде в поселок, взрыв бытового газа, отсутствие капитального ремонта в домах, угрозу прорыва отопительной системы и т. п., а также социально-правовые нарушения (мошенничество, ограбления пенсионеров, воровство и т. п.).

Итак, на уровне этических и эстетических практик выстраивания отношений «человек – окружающая среда» (включая природную среду) нашими респондентами крестьянский архаический аграрный менталитет жителей поселений Ленинградской области находится в состоянии постоянного противостояния (войны) с наступающей городской цивилизацией.

Социально-коммуникативные технологии власти для формирования экологического сознания управляемого населения

Ориентация социально-интеграционной активности местных администраций на праздники аграрного русского календаря

Местные муниципальные власти поддерживают народные праздничные традиции, связанные

с календарной аграрной обрядностью. В каждом из поселений устраиваются народные гуляния – как зимние (Масленица), так и летние (Троица, праздник Ивана-Купала). Создавая сценарии, то есть организуя порядки церемониальной части праздников, цензурируя тексты, внешний облик (костюмы, песенный репертуар), муниципалитеты и местные советы активно формируют символическую картину жизни вверенного им в управление поселения. Как правило, руководство в этом направлении осуществляют женщины-руководители, происходящие из приехавших в Ленинградскую область во второй половине XX в. русских семей во втором поколении. Иными словами, это – носительницы того самого крестьянского, аграрного менталитета Центральной России.

Широкое распространение и поддержку муниципальных властей, а также местных активистов (библиотеки, школы, учреждения управления образования) получают фольклорные фестивали, пропагандирующие русскую традиционную (аграрную в своей основе) культурную традицию. Ко времени проведения фестивалей бывают приурочены конкурсы мастеров традиционного искусства, ярмарки народных промыслов, продажа и раздача блюд русской народной кухни. Фестивали традиционной культуры – это один из наиболее созвучных современному глобальному обществу тип коммуникативной интеграционной активности людей. В глобальной массовой культуре, основанной на коммуникативных практиках поп-культуры, фольклорные фестивали по типу социальной коммуникации тождественны театрализованному телевизионным шоу. Суть массовых народных гуляний – это карнавал, что в переводе на современный язык СМИ понимается как некий шоу-проект. Если наши респонденты старших возрастов с ностальгией вспоминали гулянья на Масленицу советского времени, в организации которых принимали участие руководство птицефабрикой (например, директор птицефабрики лично выделял лошадей для катания ребятишек по поселку), то у респондентов молодых возрастов народные гуляния по календарным праздникам воспринимаются в контексте мировоззрения глобального общества. Глобальное общество постоянно погружено в атмосферу тотального перманентного шоу-карнавала. Этот карнавал разворачивается в Интернете и телекоммуникационных сетях, притом для трансляции смыслов в этих сетях используются только три базовых карнавальных функции: производство смеха, агрессии и секса. К сожалению, в со-

знании сельской молодежи, в силу отсутствия интереса к истории малой родины, разорваны синхронно-диахронные связи с позитивными аспектами календарных крестьянских аграрных праздников, ориентированных на поддержание баланса сил Вселенной. Благодаря трудам ученых в области этнографии народов индоевропейского круга принято считать, что разрядка социально-психологического напряжения имеет позитивную цель. Эта социально-психологическая разрядка достигалась в процессе инсценировки карнавальной обрядности Масленицы, в которой на символическом уровне осуществлялось уничтожение болезней, невзгод, социальных проблем через смех и агрессивное действие с куклой – символом Масленицы, Костромой. Цель праздника – установления нового чистого, разумного, доброго порядка, порядка новой жизни, то есть поворота колеса Жизни к весне, времени возрождения и расцвета Природы.

Во многих поселениях с конца 2010-х гг. устраиваются ежегодные конкурсы работ по истории поселений, целью которых является поддержка интереса молодежи к истории обжитого предками географического пространства, его культурным и природным ресурсам. В конкурсах принимают участие как местные краеведы, энтузиасты-любители истории своей малой родины, знатоки-старожилы, так и школьники. Публикации краеведов поддерживаются спонсорами, сотрудничающими с муниципальными властями. Работа местных муниципалитетов в области формирования экологического сознания реализуется в создании символических маркеров социокультурного ландшафта управляемых территорий, например, в создании гербов и гимнов поселений. Разработка цветовой и содержательной символики гербов поручается приглашенным специалистам при условии отражения в гербах хозяйственной, социальной, политической и экологической истории региона. Но этнокультурный аспект отражаемой в этих гербах исторической памяти обязательно ограничивается постпетровской эпохой. История и культура допетровского времени, то есть времени ранее начала XVIII в., в этих гербах не отражена. В выборе цветовой символики, содержательных образов акцент делается на эпоху господства российской государственности с присутствием ей русскими крестьянскими элементами.

Особую роль в формировании экологического сознания жителей играет эволюция статуса православия. В контексте Перестройки 1990-х гг. перспектива изживания «религиозных пережит-

ков» смягчалась. Удельный вес РПЦ в духовной жизни сел Ленинградской области возрос настолько, что государственная власть уже самыми наглядными способами объявляет обществу: православие – подлинная русская вера, а РПЦ – это церковь всего русского народа. Этот идеологический энтузиазм государственной власти подхвачен традиционалистски настроенными слоями современного российского общества. На базе РПЦ идет активная сборка нового, а по своей сути православного социального абсолюта. В каждом поселке городского типа возводится новая (Оржицы, Лаголово) или реставрируется старая (Гостилицы) церковь. Анализ транскриптов интервью высветил резкое разделение мнений респондентов в отношении к эволюции статуса православия. Мнения наших респондентов в Оржицах, Лаголово, Гостилицах относительно строительства храмов разделились почти поровну: 52% за и 48% против. Равнодушных в ответе на этот вопрос не было.

В организации управленческой социальной работы с населением вверенных им территории муниципальные власти в полной мере реализуют тенденции архаизации социокультурного ландшафта на символическом уровне. С этой целью муниципальными властями распространяется и культивируется практика организации календарных русских аграрных крестьянских праздников, фестивалей традиционной русской культуры, конкурсов по истории обжитых территорий. Но эта поддержка имеет узкую прагматическую цель – ориентацию аксиологической составляющей сознания населения, формируемого этими социально-коммуникативными технологиями управления, в направлении аграрной, крестьянской, то есть архаической по своей сути, ментальности. Поддерживаемые местными администрациями календарные народные праздники и фестивали народной культуры являются мощными, проверенными временем социально-психологическими рычагами канализации и сброса энергий неудовольствия и раздражения, которые испытывают жители поселений городского типа Ленинградской области под влиянием глобализации.

**Архаические тенденции
в эволюции
этноидентификационных
представлений населения
социокультурных ландшафтов
Ленинградской области**

Отвечая на вопрос: «Что вы понимаете под культурой вашего поселения?», наши респон-

денты в один голос отвечали: Дом культуры. Действительно, при каждом Доме культуры в Лаголово, Гостилицах, Оржицах и других поселениях работают фольклорные коллективы, в частности, ансамбли русской народной песни, кружки народного творчества и т. п. Обыденное сознание наших респондентов склонно объяснять широкое распространение практик формирования фольклорных коллективов, кружков народного творчества стремлением муниципальных властей организовать их досуговую деятельность. В свою очередь, представители муниципальных властей жаловались нам в интервью на то, что почти весь бюджет поселения уходит на работу Дома культуры. На «экологию», уличное освещение, дворников и тем более на капитальный ремонт жилых зданий ничего не остается. Тем не менее, объяснение такого понимания феномена «культура» нашими респондентами с позиций теорий социальной экологии может иметь и другое, более глубокое объяснение. В условиях глобализации, следствием которого является разрушение локальных, общинных идентичностей жителями поселков городского типа, невозможность стремительно социализироваться в глобальной культуре создает группы людей, остро чувствующих необходимость найти свою культурную нишу. Именно в этой среде оказываются востребованными клубы, ансамбли, кружки, наделяющие страждущих, то есть жителей поселков городского типа Ленинградской области, именно крестьянской русской идентичностью. Как показали наши социологические наблюдения, самое большое тяготение к обретению именно этого типа социально-культурной идентичности проявляет женская часть поселений городского типа Ленинградской области. Более того, в районных администрациях, в Домах культуры, школах, библиотеках – везде нас встречали, либо оказывая нам содействие, либо организуя препятствия нашей работе, исключительно женщины. На местных праздниках, Днях деревень, концертах по случаю 9 мая и т. п. опять-таки мы наблюдали в основном женщин. Особая гордость руководителей Домов культуры и местной администрации – это кружки по возрождению традиций шитья русской народной тряпичной куклы.

«Наши куклы, сделанные в нашем кружке, очень известны по всей округе. Наши мастерицы такие чудесные куклы делают! Вот, недавно сделали кукол для выставки в Ломоносове. Выставку открыли в Краеведческом музее. Когда

мы попросили нам этих кукол отдать, так в музее нам сказали, что не отдадут. Пусть еще у нас постоят. Такие они красивые!»¹⁴

В ходе исследований нам удалось выявить активизацию интереса населения поселений городского типа Ленинградской области к традиционной русской тряпичной кукольной культуре. Кукла проникает в современную сельскую повседневность на волне процессов архаизации общества вместе с фестивальным этнокультурным движением, педагогическими практиками младшей средней школы, фольклорными коллективами и кружками Домов культуры. Распространение практик изготовления кукол в тронутых урбанизацией поселениях Ленинградской области выявляют следующие архаизирующие тенденции эволюции идентификационных практик: социально-интеграционную, социально-когнитивную, социокультурную трансляционную и социально-регулятивную.

Социально-интеграционная функция. Практика изготовления тряпичных кукол, в частности, изготовления обрядовой «куклы-кукушки», которая создавалась крестьянками в период Зеленых святок, оказалась известной нашим респондентам в Лаголово, Гостилицах, Оржцах. Согласно этнографическим наблюдениям (Т.А. Бернштам), эта кукла получила распространение в ареале, где происходило становление культуры вятичей, то есть на территориях Калужской, Смоленской, Тульской, Орловской, Белгородской и других областей Центральной России. Социально-интеграционная функция этого типа обрядовой куклы реализовывалась на трех уровнях социальной жизни именно русской крестьянской общины: 1) на уровне этнокультурной (именно русской) консолидации деревенской общины; 2) на уровне поддержки института крестьянской взаимопомощи; 3) на уровне трансляции из поколения в поколения обрядности женских половозрастных инициаций.

Социально-когнитивная функция. Образ птицы, особенно кукушки, в мифологии народов индоевропейского круга был связан с идеей реинкарнации жизни, весенним возрождением сил природы.

Функция трансляции социального опыта. Антропоморфная кукла – это один из наиболее широко распространенных дидактических предметов традиционной педагогики. Куклы такого типа формировали систему ценностно-

нормативных установок, оказывавших мощное социально-психологическое и обучающее воздействие на личность. Если обучающая роль статуэток палеолитического искусства может нами рассматриваться только гипотетически, то в современном обществе эта социализирующая роль антропоморфной куклы проявляется весьма определенно. Достаточно сравнить антропоморфную куклу советской эпохи и куклу Барби, которая пришла ей на смену в России 2000-х.

Социально-регулятивная функция. Вместе с другими ритуалами аграрно-производящей магии традиционной русской обрядовой культуры (похороны Костромы, проводы русалок, похороны мух, похороны соловья, похороны воробья и т. п.) обряд похорон кукушки осмысливался организаторами и исполнителями ритуала Зеленых святок как мистический процесс выпроваживания нечисти и душ умерших в иной мир, то есть мир мертвых. Иными словами, это была практика аннигиляции мира духов, прекращения контакта с потусторонними силами и возвращения общества в социальную реальность.

Так, в ходе исследований нам удалось выявить еще одну из вновь возрождаемых, но явно работающих на архаизацию социокультурного ландшафта поселений городского типа Ленинградской области тенденцию, а именно – возрождение обрядовой русской крестьянской кукольной традиции. В контексте проблемы эволюции социокультурного ландшафта Ленинградской области возрождение практик изготовления обрядовой куклы является ярким элементом архаизации духовной жизни.

Выводы

1. Эволюция социокультурного ландшафта Ленинградской области рассмотрена нами с позиций социальной антропологии и гуманитарной географии. Социологическая составляющая исследования выразилась в методике сбора и анализа полученных материалов. В ходе исследования нам удалось выделить в качестве одной из наиболее актуальных современных тенденций эволюции социокультурного ландшафта Ленинградской области его архаизацию.

2. Социально-антропологический подход к анализу собранного материала позволил определить выявленные архаические элементы (паттерны экологического поведения, ритуалы повседневной коммуникации, властный дискурс формирования этноидентифицирующих символических конструкций (от семантики гербов поселений до поддержки православной культуры

¹⁴ Ре-тка, 65 лет. Оржицы, 2017.

и возрождения обрядовой куклы и др.) как принадлежащие к миру традиционной крестьянской русской аграрной ментальности. Этот тип ментальности оказывает на протяжении длительного времени (с начала 1950-х гг. по настоящее время) постоянное сопротивление цивилизационному влиянию в форме урбанизации и глобализации.

3. На уровне этических и эстетических практик выстраивания нашими респондентами отношений «человек–окружающая» среда (включая природную среду) крестьянский архаический аграрный менталитет жителей поселений городского типа Ленинградской области находится в состоянии постоянного противостояния (войны) как с природной средой (отвоение пахотной земли и других видов ресурсов у леса), так и с надвигающейся угрозой урбанизации (цивилизации, глобализации).

4. В организации управленческой социальной работы с населением вверенных им территорий муниципальные власти в полной мере реализуют тенденцию архаизации социокультурного ландшафта на символическом уровне. Архаизация – это сознательное обращение элит к (догосударственной, антицивилизационной) ментальности большинства населения с целью

упорядочить социальные отношения на местном уровне. С этой целью муниципальные власти распространяют и культивируют практику организации календарных русских аграрных крестьянских праздников, фестивалей традиционной русской культуры, конкурсов по истории обжитых территорий. Но эта поддержка имеет узкую прагматическую цель – ориентацию аксиологической составляющей сознания населения, формируемой этими социально-коммуникативными технологиями управления, в сторону аграрной, крестьянской, то есть архаической по своей сути, ментальности.

5. Изучение архаизации открывает возможности управления современными социальными процессами. С одной стороны, модель будущего для конкретного общества, формы социального прогресса определяются подходом к решению проблемы выбора традиций воспитания молодежи, регулирования лакун в культурной преемственности. Именно традиции играют важную роль в сохранении социального консенсуса. С другой стороны, современные темпы цивилизационного (технологического и технико-экономического) развития общества значительно обостряют проблему баланса старого и нового в социальных отношениях.

Литература

1. Артемова ОЮ. Колено Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М.: Смысл; 2009.
2. Ахиезер АС. Россия: критика исторического опыта. М.: ФО СССР; 1997.
3. Ахиезер АС. Социальное воспроизводство и город. Общественное воспроизводство: экологические проблемы. М.: ИМРД АН СССР; 1991.
4. Ачкасов ВА. «Взрывающаяся архаичность»: традиционализм в политической жизни России. СПб.: СПбГУ; 1997.
5. Ачкасов ВА. Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма. В кн.: Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности). СПб.: СПбГУ; 2004. С. 173-91.
6. Банников КЛ. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы Российской Армии. М.: Институт этнологии и антропологии РАН; 2002.
7. Банников К.Л. Архаический синдром. О современности вневременного. Отечественные записки. 2013(1):58-69.
8. Вишневский АГ. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ; 1998.
9. Дорский СЛ. Словообразование отвлеченных имен существительных в древнеанглийском языке. Минск: БелГУ; 1960.
10. Жирмунский ВМ. История немецкого языка. М.: Высшая школа; 1965.
11. Клейн ЛС. Перевернутый мир. Донецк: Донецкий национальный университет; 2010.
12. Ламажаа ЧК. Проблема архаизации общества. Знание понимание умение. 2009;(4):44-8.
13. Нечипоренко ОВ, Вольский АН. Натуральная экономика и редистрибутивная

- функция государства. Социологические исследования. 2001;(9):55-7.
14. Рашковский ЕБ. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн. Вопросы философии. 2011;(6):33-9.
 15. Тютюнник Ю.Г. Философия географии. Киев: Университет «Украина»; 2011.
 16. Тютюнник Ю.Г. Исторические проблемы ноосферогенеза. Биосфера. 2017;(3):203-15.
 17. Федотова ВГ. Архаизация в современном мире. Философские науки. 2012;(3):26-6.
 18. Хлопин АД. Миграционные процессы и проблема «личности на рубеже культур» в социологии США. В кн.: Урбанизация и расселение трудящихся в условиях капитализма. М.:ИМРД АН СССР; 1974.
- Общий список литературы/Reference list**
1. Artemova OYu. Koleno Isava: Okhotniki, Sobirateli, Rybolovy. (Opyt Izucheniya Alternativnykh Sotsiaknykh Sistem). [Esau'sTribe: Hunters, Gatherers, Fishers (An Experience of Studying of Alternative Social systems)]. Moscow: Smysl; 2009. (In Russ.)
 2. Akhiyezer AC. Rossiya: Kritika Istoricheskogo Opyta. [Russia: Criticism of Historical Experience]. Moscow: FO SSSR; 1997. (In Russ.)
 3. Akhiyezer AC. [Social reproduction and the city]. In: Obschestvennoye Vosproizvodstvo: Ekologicheskiye Problemy. [Social Reproduction: Ecological Problems]. Moscow: IMRD AN SSSR; 1991. (In Russ.)
 4. Achkasov VA. [«Exploding Archaic»: Traditionalism in the Political Life of Russia]. Saint Petersburg: SPbGU; 1997. (In Russ.)
 5. Achkasov VA. [Transformation of traditions and political modernization: The phenomenon of Russian traditionalism]. In: Filosofiya i Sotsialno-Politichaskiye Tsennosti Konservatizma v Obschestvennom Soznanii Rossii (ot Istokov k Soremennosti). [Philosophy and Socio-Political Values of Conservatism in the Public Consciousness of Russia (from the Origins to the Present)]. Saint Petersburg: SPbGU; 2004. P. 173-91. (In Russ.)
 6. Bannikov KL. Antropologiya Ekstremalnykh Grupp. Dominantnyye Otnosheniya Voyennosluzhaschikh Srochnoy Sluzhby Rossiyskoy Armii. [Anthropology of Extreme Groups. Dominant Relationships among Conscripts of the Russian Army]. Moscow: Institut Ethnologii i Antropologii RAN; 2002. (In Russ.)
 7. Bannikov KL. [Archaic syndrome. About the present of the timeless]. Otechestvennye Zapiski. 2013;(1):58-69. (In Russ.)
 8. Vishnevskiy AG. Serp i Rubl. Konservativnaya Modernizatsiya v SSSR. [The Sickle and the Rouble. Conservative Modernization in the USSR]. Moscow: OGI; 1998. (In Russ.)
 9. Dorskiy SL. Slovoobrazovaniye Otvlechennykh Imen Suschestvitelnykh v Drevneanfliyskom Yazyke. [Derivation of Abstract Nouns in the Old English]. Minsk: BelGU; 1960. (In Russ.)
 10. Zhirmunskiy VM. Istoriya Nemetskogo Yazyka. [History of the German Language]. Moscow: Vysshaya Shkola; 1965. (In Russ.)
 11. Klein LS. [Upside Down World]. Donetsk: Donetsk National University; 2010. (In Russ.)
 12. Lamazhaa ChK. [The problem of archaization of the Society]. Znaniye Umeniye Ponimaniye. 2009;(4):44-8. (In Russ.)
 13. Nechiporenko OV, Volskiy AN. [Natural economy and the redistributive function of the state]. Sotsiologicheskiye Issledovaniya. 2001;(9):55-7. (In Russ.)
 14. Rashkovskiy YeB. [The polysemous phenomenon of identity: archaic, modern, postmodern]. Voprosy Filosofii. 2011;(6):33-9. (In Russ.)
 15. Tyutyunnik YuG. Filosofiya Geografii. [The Philosophy of Geography]. Kiev: University «Ukraine»; 2011. (In Russ.)
 16. Tyutyunnik YuG. [The historical problems of noospherogenesis]. Biosfera. 2017;(3):203-15. (In Russ.)
 17. Fedotova VG. [Archaism in the modern world]. Filosofskie nauki. 2012;(3):26-6. (In Russ.)
 18. Khlopin AD. [Migration and the problem «identity at the turn of cultures» in sociology of the United States]. In: Urbanizatsiya i Rasseleniye Trudiaschikhsia v Usloviyakh Kapitalizma. [Urbanization and the Resettlement of Working People under Capitalism]. Moscow: IMRD AN SSSR; 1974. (In Russ.)